

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 412–420

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 412–420

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-412-420>, EDN: IFFOTZ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929[Тынянов+Пушкин+Грибоедов]

Функции пушкинского интертекста в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»

Т. И. Дронова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дронова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, tida52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6464-0937>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению формально-содержательной роли пушкинского интертекста в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Выявляются разные способы введения в повествование цитат, референций, аллюзий, отсылающих к произведениям А. С. Пушкина. В процессе анализа раскрываются такие особенности цитирования, как неатрибуированность, неточность, редуцированность претекстов вплоть до отдельных словообразов. По мнению автора публикации, это свидетельствует об игровой форме диалога с читателем, который должен самостоятельно развернуть пушкинские тексты и заметить «ошибки» воспроизведения. В качестве одной из характерных форм репрезентации произведений А. С. Пушкина рассматриваются упоминания их названий («Кавказский пленник», «Евгений Онегин», «Стансы», «Полтава») и аллюзии (на «Бахчисарайский фонтан», «Друзьям» и др.). В статье важное место занимает определение приемов введения пушкинского интертекста в тыняновский роман через призму сознания разных персонажей: Ф. В. Булгарина, А. С. Грибоедова и самого А. С. Пушкина. Выявляются характерологическая и историко-литературная функции рефлексии по поводу пушкинских текстов таких персонажей, как Ф. В. Булгарин и А. С. Грибоедов. В центре внимания автора статьи – мотив соперничества создателя «Горя от ума» с А. С. Пушкиным, реализующийся через призму интертекста. В русле осмысления этой проблемы в работе определяются некоторые внутренние связи между романным повествованием и научными трудами Ю. Н. Тынянова. Особое значение придается цитатам из «Путешествия в Арзрум», находящимся в финале романа, в сильной позиции: пушкинские оценки судьбы и творчества А. С. Грибоедова обретают функцию максимально авторитетного высказывания, обогащая авторскую концепцию образа главного героя. Исследование художественных функций пушкинских претекстов позволило сделать вывод, что А. С. Пушкин присутствует на протяжении всего повествования благодаря отсылкам к его произведениям, а его поэзия является неотъемлемой частью «словаря» современников.

Ключевые слова: «Смерть Вазир-Мухтара», Ю. Н. Тынянов, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, цитата, референция, аллюзия

Для цитирования: Дронова Т. И. Функции пушкинского интертекста в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 412–420. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-412-420>, EDN: IFFOTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The functions of A. S. Pushkin's intertext in Yu. N. Tynyanov's novel *The Death of Vazir-Mukhtar*

T. I. Dronova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatiana I. Dronova, tida52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6464-0937>

Abstract. The article focuses on the formal and content role of Pushkin's intertext in Yu. N. Tynyanov's novel *The Death of Vazir-Mukhtar*. Different ways of introducing quotes, references, allusions to A. S. Pushkin's works are revealed. Such features of quoting as non-attributiveness, inexactness, pre-text reduction to single word images are elicited in the process of analysis. In the opinion of the author of the paper, this indicates a play-based dialogue with the reader who should unravel Pushkin's texts independently and discern the "mistakes" of reproduction. The titles of A. S. Pushkin's works being mentioned (*The Prisoner of the Caucasus*, *Eugene Onegin*, *Stances*, *Poltava*) and allusions (to *The Fountain of Bakhchisarai*, *To Friends* etc) are considered as one of the distinctive forms of their representation. Identifying the techniques of introducing Pushkin's intertext into Tynyanov's novel through the consciousness of different characters (F. V. Bulgarin, A. S. Griboedov and A. S. Pushkin himself) features largely in the article. The characterological, historic and literary functions of such characters as F. V. Bulgarin and A. S. Griboedov's reflection on Pushkin's texts are elicited. The author of the article focuses on the motive of the creator of *Woe from Wit* competing with A. S. Pushkin, that is actualized through intertext. Along the lines of considering this issue in the paper, some inner connections between the novel narrative and the scientific papers of Yu. N. Tynyanov are defined. The quotes from *A Journey to Arzum* at the end of the

novel, in the strong position, are given particular importance in the article: Pushkin's evaluations of the fate and oeuvre of A. S. Griboedov acquire the function of a highly respected statement, enriching the author's understanding of the hero's image. Studying the artistic functions of Pushkin's pre-texts enables to draw a conclusion that A. S. Pushkin is present throughout the whole narration due to the references to his works, and his poetry is an inalienable part of the 'thesaurus' of his contemporaries.

Keywords: *The Death of Vazir-Mukhtar*, Yu. N. Tynyanov, A. S. Pushkin, A. S. Griboedov, quote, reference, allusion

For citation: Dronova T. I. The functions of A. S. Pushkin's intertext in Yu. N. Tynyanov's novel *The Death of Vazir-Mukhtar*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 412–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-412-420>, EDN: IFFOTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Личность и наследие Пушкина находились в центре научных и художественных интересов Ю. Н. Тынянова на протяжении всего творческого пути. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи 1920–1930-х гг. – «О композиции “Евгения Онегина”» (1921–1922), «Мнимый Пушкин» (1922), «Пушкин и Тютчев» (1926), «Архаисты и Пушкин» (1926), «Пушкин» (1929), «Пушкин и Кюхельбекер» (1934), «О “Путешествии в Арзрум”» (1936), «Безыменная любовь» (1939), и романы – «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1927), «Пушкин» (1932–1943).

При этом Тынянов как историк литературы не фетишизирует Пушкина. В статье «Мнимый Пушкин» он не только полемизирует по поводу мнимых «новых приобретений пушкинского текста», но и переводит разговор в методологическую плоскость. Исследователь отвергает утвердившийся в отечественном литературоведении взгляд на русскую культуру как на моноцентричную, в которой вся предшествующая литература воспринимается как подготовляющая Пушкина, а вся последующая как продолжающая его (или борющаяся с ним). Ученый считает, что «этот наивный телеологизм ведет к полному смещению исторического зрения: вся литература под знаком Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным “чудом”. Историко-литературное изучение, вполне считаясь с ценностью явлений, должно порвать с фетишизмом. Ценность Пушкина во все не исключительна...» (выделено автором. – Т. Д.) [1, с. 78]. Это дерзкое заявление имеет своим основанием тыняновские представления о литературной борьбе и литературной эволюции, формирующиеся в его научных работах в 1920-е гг. [2–4].

И в прозе Тынянова фигура Пушкина, прежде чем стать центральной в одноименном незавершенном романе, появляется в качестве лицейского друга главного героя в «Кюхле» и литературного соперника Грибоедова в романе «Смерть Вазир-Мухтара».

Пушкин предстает в романе «Смерть Вазир-Мухтара» как персонаж второго плана. Автор вводит две сцены встречи Грибоедова с Пушкиным в Петербурге весной 1828 г., а завершает произведение эпизодом встречи Пушкина 11 июня 1829 г. с телом Грибоедова. Но несмотря на локальное фабульное участие персонажа в тексте, его присутствие ощущается на протяжении всего повествования благодаря размышлениям литераторов-современников, а ведущей формой репрезентации пушкинской личности становится поэтическое творчество, представленное многочисленными отсылками к его произведениям.

Большинство известных нам исследований романа «Смерть Вазир-Мухтара» посвящено осмыслению образа Грибоедова – выявлению авторской концепции персонажа и поэтики ее воплощения [5–7], документальных источников и их функций в создании личности литературного героя [8, 9], исследованию типов романного времени, трагизма постдекабристской эпохи, потребовавшей от людей «двадцатых годов» экзистенциального выбора [10], анализу ведущих мотивов как средства воплощения трагической сущности персонажа [6, 10–12].

К вынесенной в название статьи проблеме исследователи специально не обращались, но ряд важных суждений был высказан Г. А. Левинтоном в попутных замечаниях и примечаниях к публикациям, посвященным роману «Смерть Вазир-Мухтара» [13–15]. Одна из ключевых идей исследователя состоит в том, что «пушкинский цитатный пласт, который оказывается весьма значительным, указывает на противостояние в романе двух точек зрения: грибоедовской и пушкинской...» [14, с. 29]. К сожалению, эта продуктивная мысль не получила развития в ходе анализа текста произведения. Предпринятое А. Бринтлингер [8] рассмотрение форм имплицитного присутствия в «Смерти Вазир-Мухтара» пушкинских текстов («Путешествие в Арзрум», «Пир во время чумы», «Пора, мой друг, пора!») отличается от подхода, реализуемого в нашем исследовании.

Цель статьи – выявить формы репрезентации пушкинского интертекста в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» и его функции в структуре текста.

Под *интертекстом* нами, вслед за Н. Пьеге-Гро, понимается вся совокупность текстов, в данном случае пушкинских, отразившихся в произведении [16]. В силу специфики анализируемого материала мы будем также пользоваться терминами *цитата*, *референция*, *аллюзия*. В трудах, посвященных типологии и поэтике интертекстуальности [16, 17], предлагаются разные подходы к определению этих понятий, в том числе такого, как *цитата*. Если для Н. Пьеге-Гро «неотмеченная цитата» – это плагиат [16, с. 89], то в исследованиях Н. А. Фатеевой [17] в качестве вариантов рассматриваются такие разновидности цитаты, как эксплицитная / имплицитная, точная / неточная, атрибутированная / неатрибутированная и другие, что представляется нам более продуктивным. В связи с анализом форм присутствия пушкинского интертекста в тыняновском романе для нас приобретает значение степень редуцированности первоисточника.

«Смерть Вазир-Мухтара» отличается предельной насыщенностью грибоедовскими претекстами [14, 9], а также цитатами, референциями, аллюзиями, отсылающими к широкому кругу художественных явлений, включая русский фольклор, отечественную литературу, начиная со «Слова о полку Игореве», восточную поэзию. Некоторые из них уже стали объектом исследования [6, 18].

На фоне точно процитированных поэтических строф М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, С. П. Шевырева и других, встречающихся в романе, бросаются в глаза предельная лаконичность пушкинских текстов и ряд неточностей в их репрезентации.

Самой развернутой цитатой является двустишие из «Талисмана», которое вводится без атрибуции как текст, помещенный в «слежалый песельник», который читает Сашка Грибов:

Мне волшебница, прощаясь,
Подарила талисман [19, с. 157].

В данном эпизоде мы встречаемся с нетождественным воспроизведением образца – в первоисточнике текст звучит несколько иначе:

Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман [20, с. 34].

Искажение может объясняться источником цитирования – трансформацией текста в на-

родном песеннике. Но в романе встречаются и другие измененные, сокращенные или воспроизведенные с ошибкой пушкинские цитаты. Причем они, как правило, не выделяются ни кавычками, ни курсивом при включении в прозаический текст.

Так, упомянув в диалоге с Катей Телешовой об Истоминой, Грибоедов цитирует (строка вводится без атрибуции текста, но с отсылкой к имени автора) несколько искаженную цитату из «Евгения Онегина»: «Пушкин прав – летит, как пух из уст Эола» [19, с. 109]. В первоисточнике (глава I, строфа XX): «Летит, как пух от уст Эола» [21, с. 23]. Трудно заподозрить Тынянова в незнании подлинного текста или в невольной ошибке. Возможно, трансформация претекста вызвана его переводом в форму разговорной речи и грибоедовской иронической интонацией.

Думается, что интертекстуальная стратегия автора в значительной мере обусловлена жанрово-тематической спецификой произведения – это роман о судьбе художника, героями которого являются А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Ф. В. Булгарин и некоторые другие деятели культуры. Пушкинские тексты в виде цитат, референций, аллюзий вводятся преимущественно в разговорную речь романых персонажей. Таким образом, редуцированность пушкинских цитат может быть осмыслена как повествовательный прием – средство достижения художественной убедительности.

Причастностью героев современной литературе объясняется, на наш взгляд, то, что в ряде случаев их речь вбирает отдельные пушкинские словообразы без именованного произведения, которое должно быть узнано читателем самостоятельно. При этом имплицитная цитата может быть подсвечена ироническим контекстом высказывания персонажа. Герои пользуются пушкинскими цитатами как элементами «словаря», что свидетельствует об укорененности пушкинской поэзии в современной ему отечественной культуре.

На характер включения пушкинских претекстов в роман «Смерть Вазир-Мухтара» влияют авторские представления о литературной борьбе 1820-х гг., о взаимоотношениях А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и Ф. В. Булгарина.

Одним из персонажей романа, через слово которого вводятся отсылки к пушкинским произведениям, является Фаддей Булгарин – друг Грибоедова и недоброжелатель Пушкина.

Возмущаясь по поводу эпиграмм Пушкина, Булгарин произносит монолог: «И притом если бы сам не был пасквилянт. А то ведь пасквили и пасквили. А попробуй запретить ему ругаться, – так это стихи, вдохновения, сладкие звуки и молитва. <...> Прямо-таки ходишь и голову гнешь, не то пропадешь и не откупишься» [19, с. 65]. Этот случай обращения к пушкинскому интертексту интересен в нескольких аспектах. Во-первых, цитируя в сокращенном виде последние строки стихотворения 1828 г. «Поэт и толпа»: «Мы рождены для вдохновенья / Для звуков сладких и молитв» [20, с. 85], автор романа рассчитывает на узнавание читателем претекста и проецирование высказанной в нем независимой пушкинской позиции по отношению к требованиям черни на личность романного Пушкина, что позволяет скорректировать некоторые нелестные высказывания о нем романских персонажей – не только Булгарина, но и Грибоедова. Во-вторых, через слово персонажа вводится болезненная для него тема поединка с Пушкиным на языке эпиграмм. История их словесной дуэли хронологически выходит за пределы романного времени, относится к 1830–1831 гг. [22], но это нередкий случай нарушения конкретно-исторических рамок повествования в «Смерти Вазир-Мухтара» [13]. Таким образом на подтекстовом уровне в роман вводятся историко-литературная ситуация начала 1830-х гг. и одна из граней творчества Пушкина.

Тема пушкинских эпиграмм на Булгарина, вернее, приписываемых Пушкину, т. е. тема «мнимого Пушкина», волнующая Тынянова-литературоведа, включается в текст романа посредством заковыченной цитаты: «Лелеешь ты свои красы» [19, с. 65], иронически произнесенной Грибоедовым. Первоисточник содержит в весьма оскорбительной форме намеки на любовь Булгарина к женскому полу, на измены жене:

Лелеешь ты свои красы:
Ты на лицо румяна сыплешь,
Ты бреешь бороду, усы,
Ты волоса на теле щиплешь;
Все это для жены твоей
(Ты к ней любовью пламенеешь) –
Так, верю я, мой друг Фаддей,
Но для кого ты <...> бреешь? [23, с. 384].

В романе авторство Пушкина опровергается Булгариным: «– Нет, нет, это не он написал, – захлопотал Фаддей и вдруг обмяк, – он мне сам клялся, что не он, под честным словом...» [19, с. 65].

Наиболее частотной формой интертекстуальных связей в «Смерти Вазир-Мухтара» является референция – включение в текст романа названий пушкинских произведений, создаваемых им в конце 1820-х – начале 1830-х гг.

Интересным приемом репрезентации названия пушкинского «Евгения Онегина» становится цитирование Булгариным эпиграммы Великопольского, которому Пушкин якобы проиграл «уйму денег». В уста Булгарина автор вкладывает намеренно недостоверную информацию: «– Пушкин, – начал Фаддей, словно читая по печатаному, – проиграл в карты где-то у Пскова вторую главу “Онегина” Великопольскому. <...> Пушкин проиграл ему уйму денег» [19, с. 64]. В статье П. И. Зиссермана «Пушкин и Великопольский» содержится информация о том, что Великопольский однажды «был свидетелем проигрыша Пушкина, когда тот расплатился с кем-то полученными, наконец, от Соболевского экземплярами I издания второй главы “Евгения Онегина”» [24, с. 265].

Тынянов воссоздает ситуацию припоминания персонажем текста эпиграммы:

«– Александр, милый, я же стишки помню:
Я очень помню, как та-та-та...

И там еще одна строка, что-то на зе:

Глава «Онегина» вторая

Съезжала скромно на тузе» [19, с. 64–65].

Писатель вводит в речь героя фрагмент эпиграммы Великопольского:

Он очень помнит, как, сменяя

Былые рубрики в кисе,

Глава Онегина вторая

Съезжала скромно на тузе [24, с. 267].

Пересказывая историю с Великопольским, Булгарин упоминает и запрет Пушкина на публикацию этих строк, и слова: «Личность и неприличность» [19, с. 65], действительно ему принадлежащие. При этом добавляет от себя якобы сказанную Пушкиным фразу: «Я его так в восьмой главе “Онегина” отделаю, что он только почешется» [19, с. 65]. Отметим, что Тынянов несколько переинтерпретирует ситуацию письменного диалога Пушкина с Великопольским по поводу данной эпиграммы [24], переводя ее в форму сплетни о Пушкине, рассказанной Булгариным Грибоедову.

В речи Булгарина, передающего слух о Пушкине, собирающемся на Кавказ, содержится аллюзия на «Бахчисарайский фонтан», именование которого и сам текст-донор не представлены эксплицитно: «Говорят, Пушкин на Кавказ просился. За вдохновением. Или в картишки по-

играть. В долгах по горло сидит. Только нашего не перешибет, шалишь. Про фонтаны во второй раз не напишешь. Баста» [19, с. 308].

Проблема осмысления роли пушкинских претекстов в романе «Смерть Вазир-Мухтара» осложняется введением многих из них через призму сознания главного героя романа – Грибоедова, уязвленного неудачей в литературе. Он остро переживает свой неуспех: «А странная авторская судьба была у него. Все писали и печатали, а у него все было навыворот: напечатана была какая-то молодая дрянь, которую надо бы сжечь в печке, а настоящие пьесы были изустны и вот – в клочках. Фаддей говорит, что “Горе” напечатать теперь совсем невозможно» [19, с. 156]. Вернувшись в Россию, Грибоедов осознает, что «поэзия стала совсем не та, пока он терял время с Аббасом-Мирзой» [19, с. 158]. Тынянов вводит развернутую характеристику отношения Грибоедова к ситуации в отечественной словесности и месту, занимаемому в ней Пушкиным: «Он втайне ненавидел литературу. Она была в чужих руках, все шло боком, делали не то, что нужно.

Литературные мальчишки, которые, захлебываясь, читали новые стихи Пушкина <...>. Литературные старцы времен Карамзина, изящные и надменные скопцы с их остроумием и безделками. Наконец, непостижимый, с незаконным правом нежного стиха и грубых разговоров Пушкин, казавшийся ему непомерным выскочкой, временщиком поэзии» [19, с. 62]. Не используя литературоведческую терминологию, Тынянов представляет в романе позицию Грибоедова-младоархаиста. В тыняновской интерпретации главный герой испытывает творческую зависть к Пушкину, он наделен призмой сознания, искажающей образ соперника и значение его творчества.

Исследователи не могли не обратить внимания на характер репрезентации образа Пушкина в романе. Так, А. И. Солженицын в своем эссе из «Литературной коллекции» отмечает, что Тынянов в этом романе «от Пушкина сколько-то отстраняется. Самого бы Пушкина отблеск он мог дать в романе куда полней и верней. Но дает его с большой настороженностью» [25, с. 194]. Как отмечает А. И. Солженицын, «чувству Грибоедова приписана зависть» [25, с. 194].

О мотиве зависти в романе пишет и А. И. Федута, считающий, что «Тынянов в точности воспроизводит конфликт пушкинских “Моцарта и Сальери”, трагедии, в которой зависть обусловлена именно пониманием

величия соперника и своего ничтожества на его фоне» [26, с. 247]. Думается, что излишняя категоричность этого утверждения становится очевидной при учете многочисленных отсылок к произведениям Пушкина в романе, в том числе вводимых через сознание Грибоедова.

Но мотив зависти действительно присутствует в произведении. В разговоре с совестью Грибоедов задается вопросом: «– Разве же впрямь нет России, нет словесности? Кажется, это зависть. <...>» [19, с. 442].

Показательно, что этот мотив проецируется не только на Грибоедова, но и на Пушкина, который дважды в романе говорит о зависти к Грибоедову. В первый раз в связи с его участием в военной кампании: «Завидую вам. Вы скачете по Персии, а мы по журналам. <...> Я из зависти к вам начинаю писать историю кавказских войн...» [19, с. 53–54]. Во второй раз после прослушивания чтения Грибоедовым «Грузинской ночи»: «Пушкин помолчал. Он соображал, взвешивал. Потом кивнул:

– Это просто, почти Библия. Завидую вам. Какой стих: “Нет друга на земле и в небесах”» [19, с. 156].

На наш взгляд, в романе акцент сделан не столько на личных, сколько на творческих причинах недоверия Грибоедова Пушкину. Мысль о том, что «с Пушкиным должно было быть осторожным» [19, с. 54], возникает в сознании Грибоедова в контексте раздумий о новом этапе своего творчества: «“Горе” его лежало ненапечатанное, непредставленное, под спудом <...> Он тогда писал для театра, теперь он будет поэт» [19, с. 53–54].

Тынянов-ученый в статье «Архаисты и Пушкин» исследовал взаимоотношения Пушкина и младоархаистов, к которым принадлежал Грибоедов, не обращая к его личности и творчеству, сосредоточившись на пушкинских отношениях с Катениным. В романе «Смерть Вазир-Мухтара» через призму сознания главного героя вводится противопоставление литературного «аристократизма» Пушкина («Негритянский аристократизм Пушкина был ему смешон» [19, с. 63]) и «народности» творчества, значимой для Грибоедова как архаиста.

Эта тема реализуется через мотив песни [13, с. 8], о создании которой мечтает романский Грибоедов: «Песня в нем гуляла, болела, назревала, бродила и рассыпалась. Это не о новом государстве он думал, не из-за него старался, а из-за старой русской песни он бился, которая сменит нежные романсы Сашки и альманаш-

ников <...> хотел он построить простую, прямо русскую, не петербургскую, древнюю песню, полунощное слово о новом полку Игореде» [19, с. 337–338]. И в разговоре с совестью вновь возникает мотив песни: «– Ты же хвалился, что перевернешь всю словесность русскую, вернешь ее к истокам простонародным, песни ты хотел, феатра русского.

– Я не хвалился, – сказал холодно Грибоедов. – Просто не удалось» [19, с. 442].

Видимо, не случайно в романе не упоминается «Борис Годунов» Пушкина, на чтении которого присутствовал реальный Грибоедов. С одной стороны, возможно, это связано с нежеланием Тынянова повторяться – в романе «Кюхля» об этом факте сообщается в письме Дуни Кюхельбекеру. Но, скорее всего, умолчание обусловлено романной идеей, в русле которой именно Грибоедов осмысливается как выразитель народной темы. Таким образом, в «Смерти Вазир-Мухтара» на художественном уровне реализуется проблема литературной борьбы 1820-х гг., которая волновала Тынянова-ученого.

В большинстве случаев пушкинские тексты, цитируемые или упоминаемые в романе Грибоедовым, сопровождаются рефлексией, содержащей внутреннюю полемику с их автором.

Так, в сцене, когда Нина Чавчавадзе спрашивает Грибоедова о Пушкине и читает его стихотворение, переведенное отцом, «Мечты, мечты, где ваша сладость...», в текст вводится грибоедовский «голос»: «Он этой элегии не любил» [19, с. 348].

В романе неоднократно возникает тема южных поэм Пушкина и мотив соперничества с ним Грибоедова в изображении Кавказа. Писатель передает размышления Грибоедова о войне на Кавказе, включая эксплицитную редуцированную цитату из «Кавказского пленника» и дистанцируясь от позиции автора поэмы: «И если не Котляревский, так кто-нибудь другой "губил, ничтожил племена", по восторженному выражению Пушкина» [19, с. 219]. Развернем текст первоисточника:

Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой –
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена... [27, с. 165].

В эпизоде чтения Грибоедовым на литературном обеде у Булгарина в присутствии Пушкина трагедии «Грузинская ночь» Тынянов передает внутренний монолог своего персо-

нажа, в ходе которого трагедия противопоставляется «Кавказскому пленнику». Автор использует прием референции: «Вскоре выходя вторым изданием Пушкина "Кавказский пленник". Так вот, у него в трагедии Кавказ был голый и не прикрашенный, как на картине, а напротив того, дикий и простой, бедный. О "Пленнике" он, разумеется, ничего не сказал» [19, с. 155]. Показательно, что писатель акцентирует внимание на значимости пушкинского присутствия для Грибоедова: «Странное дело, Пушкин его стеснял. Читая, он чувствовал, что при Пушкине он написал бы, может быть, иначе» [19, с. 155].

В романе, посвященном «перелому века» – смене общественной и литературной атмосферы после 14 декабря 1825 г., – проблема отношения к власти и конкретно к Николаю I становится одной из центральных. Автор противопоставляет Грибоедова и Пушкина в восприятии императора, дважды вводя рефлексии Грибоедова о пушкинских «Стансах». В первом эпизоде он думает о Пушкине как о человеке «другой породы»: «Он понял сегодня двусмысленное существование Николая. Император был неполный человек. <...> Пушкин писал ему стансы, Николай покорял его, потому что Пушкин был человек другой породы» [19, с. 56]. Во второй раз Тынянов вводит прозаический пересказ «Стансов» через призму сознания Грибоедова. «Грибоедов читал, как и все, – стансы Пушкина. Пушкин смотрел вперед безбоязненно, в надежде славы и добра, – в этих стансах. Казни прощались Николаю, как Петру <...>. Ни одного друга не приобрел Пушкин этими стансами, а сколько новых врагов!» [19, с. 151–152]. Вводя в качестве формы цитирования перифразу, Тынянов отсылает читателя не только к данному пушкинскому тексту, но и к общественно-литературной ситуации, вызванной публикацией «Стансов» в 1828 г. [28].

Противостояние между Грибоедовым и Пушкиным в оценке Николая I реализуется и на поэтическом уровне. В качестве эпиграфа ко второй главке второй главы Тынянов предпосылает двестише из экспромта Грибоедова 1826 г., произнесенного во время нахождения под арестом по делу декабристов:

Меня позвали в Главный Штаб
И потянули к Иисусу [19, с. 47].

Полный текст строфы, который нуждается в развертывании эрудированным читателем, включает характеристику авторской позиции по отношению к самодержавной власти:

По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово «раб»:
Меня позвали в Главный штаб
И потянули к Иисусу [29, с. 374].

Тынянов цитирует один из вариантов экспромта, воспроизведенный по записи Д. А. Смирнова, опирающегося на воспоминания С. Н. Бегичева [30].

Нередко пушкинские претексты вводятся через прямую речь самого поэта как автоцитаты.

Прощаясь с Грибоедовым во время встречи в театре, он произносит:

«Мы встретимся. Я рад. Нас немного, да и тех нет» [19, с. 55]. На наш взгляд, это перифраза поэтической строки из VIII главы «Евгения Онегина», входящей в завершающую 51 строфу: Иных уж нет, а те далече... [21, с. 225].

Здесь мы встречаемся с анахронизмом – VIII глава завершена 25 сентября 1830 г.

Редукция пушкинского текста является максимальной, когда из стихотворения поэта в его речь включается лишь одно слово. В разговоре с Грибоедовым Пушкин говорит об императоре: «– Государь честен, бодр <...> прям, того и гляди каторжников вернет. Я, кажется, с ним помирился <...>» [19, с. 54]. На наш взгляд, слово «бодр» в речи Пушкина является аллюзией на его стихотворение «Друзьям» 1828 г., в котором есть такая строфа, спроецированная на Николая I:

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами [20, с. 40].

Тынянов рассчитывает на знание читателем творчества Пушкина и историко-литературной ситуации 1828 г., когда после публикации «Стансов» от Пушкина многие отвернулись, и стихотворение «Друзьям» не помогло объясниться с современниками [31]. Ю. Тынянов в статье «О “Путешествии в Арзрум”» характеризует 1828 год как трагический в судьбе Пушкина и упоминает об идеологической ссоре Пушкина с Катениным, который в публикации на страницах «Старой были» обвинил его в лести самодержцу. Ссора с «Катениным, являвшимся одним из представителей старых друзей, – таков этот мучительный год» [32, с. 192].

В ряду произведений, являющихся попыткой Пушкина «кинуть кость» власти – поэма «Полтава», название которой введено в диалог Грибоедова и Пушкина (здесь очередной анахронизм – «Полтаву» Пушкин еще не начинал писать к моменту встречи с Грибоедовым).

Романный Пушкин называет «Полтаву» «барабанной поэмой». По поводу этого высказывания среди исследователей идет полемика: Я. Л. Левкович сетует на восприятие Тыняновым оценки вульгарно-социологической критики [33, с. 287], Г. А. Левинтон отрицает возможность подобного влияния и пишет об иронической игре автора с современниками [15, с. 128]. В контексте романа очевиден политический смысл «барабанности», но есть возможность увидеть и поэтический. В тексте произведения встречается подобное использование эпитета при характеристике Грибоедовым стихов русских поэтов о Кавказе: «Иноземная, барабанная музыка имен была превосходна и слишком щедр...» [19, с. 218]. Интерес представляет комментарий Левинтона, включающего этот романский образ в контекст научного творчества Тынянова: «Дело осложняется еще и тем, что термин “барабанные стихи” (относящийся исключительно к особенностям стиха, а не к политической тенденции) фигурирует в переписке Катенина с Бахтиным – одним из главных источников статьи об “архаистах”» [15, с. 130].

Совершенно особую роль играют в романе фрагменты из «Путешествия в Арзрум». Тынянов выборочно цитирует пушкинские оценки личности и судьбы Грибоедова («“Жизнь его была затемнена некоторыми облаками” <...> “Могучие обстоятельства. Оставил ли он записки?”» [19, с. 500]), опуская те из них, которые не соответствуют его авторской концепции. Так, он не включает в текст романа о трагической судьбе своего персонажа пушкинскую характеристику последних лет его жизни: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» [34, с. 239].

То, что приведенные в романе пушкинские суждения из «Путешествия в Арзрум» находятся в сильной позиции – в финале романа – придает им статус максимально авторитетного высказывания. Пушкин становится, если можно так выразиться, носителем авторской концепции: «Мы нелюбопытны... Человек необыкновенный... Может быть, Декарт, ничего не написавший? Или Наполеон без роты солдат?» [19, с. 501]. Тынянов сокращает и несколько трансформирует форму пушкинского высказывания в первоисточнике, переводя его в план мысленной речи героя. Включенные в текст романа характеристики Грибоедова рас-

считаны на расширение читателем контекста подлинника: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. <...>. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском телеграфе”» [34, с. 238–239].

При этом писатель передоверяет Пушкину в финале «Смерти Вазир-Мухтара» слова, которых нет в «Путешествии в Арзрум»: «Ему нечего было более делать. <...> Он сделал свое: оставил “Горе от ума”» [19, с. 500]. По мнению Г. А. Левинтона, «это, видимо, трансформация устного высказывания Пушкина о смерти Грибоедова, сообщенного В. А. Ушаковым: “Так что же? Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал “Горе от ума”» (цит. по: [14, с. 31]).

Пушкинская прогностическая, опережающая свое время, характеристика литературной судьбы Грибоедова выступает как убедительное свидетельство значения его творчества для отечественной культуры, как суждение, «преодолевающее» мучительную самооценку персонажем двусмысленности своего положения как автора одной комедии. В финале романа, в название которого вынесен мотив смерти, устами Пушкина утверждается бессмертие поэта: «Смерти не было. <...> Лиловые вымена впереди были холмами, дорога – пустой строкой черновика» [19, с. 500].

Подведем некоторые итоги. Пушкинский интертекст обретает несколько функций в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Во-первых, вводя в произведение, как правило, редуцированные пушкинские цитаты, референции и аллюзии, Ю. Н. Тынянов благодаря множественности отсылок создает обширный пушкинский пласт в романе, который репрезентирует его творчество. Интертекстуальная стратегия писателя свидетельствует о признании им особой роли А. С. Пушкина в русской культуре, тексты которого должны быть узнаваемы по отдельным поэтическим строчкам и словообразам. Пушкинские произведения, отсылки к которым «прошивают» повествовательную структуру «Смерти Вазир-Мухтара», становятся «голосом» поэта, который сам говорит «о времени и о себе», если воспользоваться поэтической формулой Маяковского. Во-вторых, включенные в роман элементы пушкинских произведений и рефлексия

о них персонажей являются источниками историко-литературной информации о творчестве поэта и его восприятии современниками в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Думается, что Ю. Н. Тынянов рассчитывал на творческую активность эрудированного читателя, который развернет не только поэтические тексты, но и сопутствующие им общественно-литературные контексты. В-третьих, пушкинские цитаты, референции, аллюзии, введенные в текст романа через слово героев, представляют собой одно из ведущих средств характеристики персонажей.

Список литературы

1. Тынянов Ю. Н. Мнимый Пушкин // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников; изд. подг. Е. А. Тодес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М. : Наука, 1977. С. 78–92.
2. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников; изд. подг. Е. А. Тодес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М. : Наука, 1977. С. 198–226.
3. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников; изд. подг. Е. А. Тодес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М. : Наука, 1977. С. 255–270.
4. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников; изд. подг. Е. А. Тодес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М. : Наука, 1977. С. 270–281.
5. Белинков А. В. Юрий Тынянов. М. : Советский писатель, 1965. 636 с.
6. Каверин В. А., Новиков В. И. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М. : Книга, 1988. 320 с.
7. Manin Ju. I. Тынянов и Грибоедов: Заметки о Смерти Вазир-Мухтара // *Revue des Études Slaves*. 1983. Т. 55, fasc. 3. P. 507–521. <https://doi.org/10.3406/slave.1983.5356>
8. Бринтлингер А. В поисках «полезного прошлого»: биография как жанр в 1917–1937 годах / пер. с англ. А. Степанова. СПб. : Academic Studies Press, 2020. 336 с.
9. Лоскутникова М. Б. Эпистолярный А. С. Грибоедова как интертекстуальный источник романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // А. С. Грибоедов: русская и национальные литературы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост. М. Д. Амирханян. Ереван : Лусабац, 2015. С. 480–490.
10. Киселева М. С. Время «постреволюции» в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 9–39. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-1-9-39>

11. *Оцупко М. П.* Мотив пустоты в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Наука в мегаполисе. 2020. № 2 (18). Ст. 16. EDN: BYCCUC
12. *Оцупко М. П.* Танатологический мотив молчания в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Наука в мегаполисе. 2020. № 8 (24). Ст. 3. EDN: IDMLIS.
13. *Левинтон Г. А.* Источники и подтексты романа «Смерть Вазир-Мухтара» // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. Рига : Зинатне, 1988. С. 6–14.
14. *Левинтон Г. А.* Грибоедовские подтексты в романе «Смерть Вазир-Мухтара» // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. Рига : Зинатне, 1990. С. 21–34.
15. *Левинтон Г. А.* Еще раз о комментировании романов Тынянова // Русская литература. 1991. № 2. С. 126–130.
16. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г. К. Косикова, В. Ю. Лукасик, Б. П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
17. *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте // Теория литературы : в 4 т. Т. 2: Произведение / под ред. Ю. Б. Борева. М. : ИМЛИ РАН, 2011. С. 331–374.
18. *Ранчин А. М.* Функции реминисценций из «Слова о полку Игореве» в романе Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 3. С. 24–32. <https://doi.org/10.31857/S241377150005409-2>
19. *Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара // Тынянов Ю. Н. Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М. : Вагриус, 2006. С. 7–501.
20. *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М. : Художественная литература, 1968. 455 с.
21. *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 5. М. : Художественная литература, 1969. 318 с.
22. *Гиппиус В. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 235–255.
23. Эпиграмма и сатира: из истории литературной борьбы XIX века : в 2 т. Т. 1: 1800–1840 / сост В. Орлов. М. ; Л. : Academia, 1931. 574 с.
24. *Зиссерман П. И.* Пушкин и Великопольский // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Пушкинская комис. при Отд-нии гуманит. наук АН СССР. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. Вып 38–39. С. 257–280.
25. *Солженицын А. И.* «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199.
26. *Федута А. И.* Пушкин глазами Грибоедова: Роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Федута А. И. Письма прошедшего времени. Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск : Лимариус, 2009. С. 241–248.
27. *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Художественная литература, 1969. 399 с.
28. *Немировский И. В.* Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // Пушкин: Исследования и материалы / РАН Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб. : Наука, 2004. Т. 16–17. С. 148–166.
29. *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах. Л. : Советский писатель, Ленингр. отд-ние., 1987. 510 с. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).
30. *Смирнов Д. А.* Рассказы об А. С. Грибоедове, записанные со слов его друзей // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / под ред. В. Э. Вацууро. М. : Художественная литература, 1980. С. 206–256.
31. *Рахмауллин М. А. А. С.* Пушкин, российские самодержцы и самодержавие // Отечественная история. 2002. № 6. С. 3–26. EDN: TGS1YJ
32. *Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / под ред. В. В. Виноградова. М. : Наука, 1968. С. 192–208.
33. *Левкович Я. Л.* Биография // Пушкин. Итоги и проблемы изучения / под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М. ; Л.: Наука, 1966. С. 249–302.
34. *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1970. 271 с.

Поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 28.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 28.08.2024; published 29.11.2024